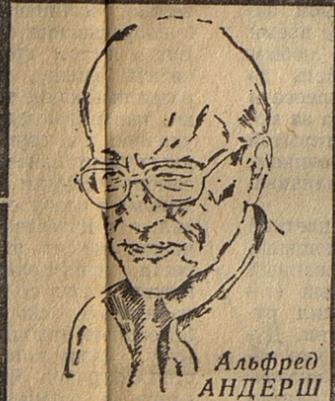

Константин СИМОНОВ

ЧУЖОГО ГОРЯ

НЕ БЫВАЕТ

Альфред АНДЕРШ

Первые впечатления об одной
интересной и важной книжной новинке

НА ЗАКОНЧИВШЕЙСЯ недавно книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне внимание посетителей привлекла книга в темно-вишневой обложке. На обложке два портрета — Константина Симонова и Альфреда Андерша. Название книги — симоновская строка: «Чужого горя не бывает». Подзаголовок — «Письма и статьи о войне и мире».

Могут ли быть письма о войне и мире? Предсмертная переписка К. Симонова и А. Андерша, которая читается как драматическая повесть, полна личными мотивами, рассказами о себе, о литературных делах; но все же главное в этих письмах, то, ради чего они писались, — вопросы всеобщие, касающиеся судеб народов наших стран и всего человечества. Для обоих корреспондентов это тоже были вопросы личные, своей совести и своей судьбы.

Они познакомились в Москве на писательской встрече осенью 1975 года. Альфред Андерш, одно из самых знаменитых имен в западно-германской литературе, еще не был у нас переведен. Он впервые приехал в Советский Союз. Что-то привлекло их друг к другу, оставило след в памяти. В январе следующего года Андерш направил Симонову большое письмо, в котором рассказывал, что неожиданное приглашение в Москву обрадовало его, но и повергло в смущение, поскольку он понял, как ничтожно мало знает о советской литературе. Он ощутил себя «хрестоматийным примером человека Запада», который обманен ловко и умело действующей пропагандистской машиной. Но недоуменные вопросы он обращал и к самому себе, считая свое невежество в советской литературе непростительным. Андерш говорил о необходимости укрепления связей между писателями ФРГ и СССР, взаимного знакомства, сближения: «Возможности синтеза — вот переживаемое все остальное впечатление, с которым я вернулся из Советского Союза домой».

На этом письме лежит тень минувшей войны. Точнее, двух мировых войн. Еще точнее — угрозы третьей. А. Андерш, озабоченный судьбами многовековой немецкой и всей европейской культуры, убежден в необходимости мира: «Да, я хотел бы, чтобы между вашей литературой и литературой нашей снова возникло богатство связей, как это было между классической русской литературой и нашей классикой. И не для того, чтобы стереть противоречия между нашими общественными системами, скрыть их... Лично я убежден, что капитализм больше не в состоянии разрешить проблемы, которые он сам создал, и что они могут быть разрешены только социализмом, всемирным планированием социалистически организованного труда. Самое сильное впечатление в Советском Союзе произвела на меня безусловная воля прийти к такому решению на путях мира, и только мира».

Письмо А. Андерша было опубликовано в еженедельнике «Цайт» под заголовком: «Открытое письмо советскому писателю о том, что уста-

рело». К. Симонов ответил большим письмом, которое назвал «Откровенность за откровенность». В этом письме, также предназначенном для печати, К. Симонов подробно рассказывал о себе — о своем детстве, родителях, первых самостоятельных шагах в жизни, вступлении в партию и т. д. Отвечая Андершу таким, по собственным словам, «несколько странным и даже неожиданным для себя образом», Симонов пояснял: это — «не столько прямой ответ на ваше письмо, сколько размышления вслух и над некоторыми вопросами, которые вы поставили, и над собственной жизнью. Ибо основа того разговора, который мы с вами ведем, в сущности, и есть размышления над собственной жизнью каждого из нас, в связи с жизнью того общества, в котором каждый из нас с вами живет, и в связи с теми взаимоотношениями, которые сложились между двумя этими обществами и влияют на жизнь каждого из нас».

Знал ли К. Симонов о том, что в эти годы, уже тяжело больной, А. Андерш также много думал о времени своего детства и юности, опубликовал несколько рассказов автобиографического характера, в которых выводил себя под именем Франца Киина, молоденького паренька, горожанина и интеллигента? В интереснейшей статье «Фрагменты большого плана», вошедшей в книгу, Ф. Хитцер, основываясь на новом материале, в том числе архивном, показывает, что А. Андершем владела мысль о большом повествовании о себе и своей эпохе. «Политической бомбой» стала последняя повесть Андерша «Отец убийцы», малая часть общего замысла. Сюжет этой повести в самом деле содержит в себе взрывную силу. В 1928 году у А. Андерша (Франца Киина) экзамен по греческому языку (на котором он провалился) принимал ректор классической гимназии Гебхард Гиммлер — отец будущего оберпалача «третьего рейха». Три четверти часа — время действия повести — должны были, по замыслу А. Андерша, вместить «модель» социальных отношений в немецкой истории XX века и поставить вопрос о ее смысле. «Были ли они оба, — спрашивает А. Андерш, — отец и сын, продуктами среды и политического положения или, совсем наоборот, жертвами судьбы, которая, как известно, неотвратима — самая любимая мысль для нас, немцев? Сознаю, что на этот вопрос я не знаю ответа...»

В статье Ф. Хитцера приводятся заметки, которые А. Андерш делал, обдумывая свой последний замысел. В них есть даты жизни Франца Киина, практически совпадающие с теми, которые приводят в своем письме К. Симонов, говоря о себе (К. Симонов и А. Андерш — почти ровесники: первый родился в 1914-м, второй — в 1915 году). Останавливает внимание и то, что биографии двух писателей близки на особый, противоположный лад. Оба они — дети профессиональных военных, прошедших первую мировую войну, многократно раненных (в армиях, сражавшихся друг против друга), но сделавших из своего опыта разные выводы:

один перешел на сторону революции, другой стал националистом, приверженцем Людендорфа, и сын порвал с ним. Оба начинали свой писательский путь с военной темы: один — утверждая подвиг в защиту социалистического Отечества, другой — свое право на дезертирство из гитлеровской армии. Оба всегда были убежденными противниками войны (как об этом свидетельствуют их статьи разных лет, удачно включенные в книгу), хотя и понимали пути борьбы с ней существенно по-разному. Последние годы принесли с собой немалые сдвиги в позиции А. Андерша: это подтверждают и его автобиографический замысел, и роман «Винтерспельт», одна из главных идей которого — беспощадное разоблачение тех, кто прикрывает свои преступления ссылкой то ли на «судьбу», то ли на «вышестоящие инстанции».

Из письма К. Симонова от 31 августа 1978 года, в котором он подробно разбирает роман «Винтерспельт»: «Я очень рад, что смог прочесть вашу книгу, и потому, что это очень хорошая книга, и потому, что для меня это — еще какая-то, до сих пор отсутствующая часть знакомства с очень хорошим человеком — с вами!».

Из ответа А. Андерша от 11 февраля 1979 года: «Ваше большое и замечательное письмо дошло до меня две недели спустя после операции (пересадка почек), которая излечила меня от болезни, длившейся более двух лет. Эта болезнь в своей последней фазе довела меня до состояния агонии, из которого я после операции медленно прихожу в себя. Я пишу вам об этом лишь для того, чтобы объяснить, почему я только сейчас отвечаю на ваше письмо. Знаю, что вы сами боретесь с болезнью, — для писателей нашего поколения иначе и быть не может, — и надеюсь, что вы отнесетесь к этому с пониманием». Кончалось письмо так: «Между нами стоит кириллица и латинский алфавит. Я еще никогда не получал письма, написанного кириллицей. Эти буквы мне очень нравятся. Я повесил письмо на стену над моей машинкой и рассматриваю его ежедневно. Полный восхищения и благодарности за ваше письмо ко мне — всегда ваш А. Андерш».

Но здесь приходится ставить точку. Из послания А. Андерша в Москву по поводу безвременной кончины К. Симонова: «Очень баналь-

ное немецкое выражение гласит, что нет незаменимых. Я думаю, что Константин Симонов — незаменимый человек, как писатель и как историческая фигура. Нам будет просто не хватать его, самым неповторимым образом».

Написанные А. Андершем незадолго до собственной кончины, это были последние слова в оборванной дружбе.

Сегодня сближение этих столь разных людей, известных писателей двух разных народов, видится едва ли не как символическое. В нем сходится многое — личное и творческое, глубины истории и дали современной жизни. За различиями встает общее, за тревогой о сегодняшнем дне — надежда и уверенность. И призыв к действию, активности — ради будущего, ради сохранения мира. В этом основной пафос книги.

Я хочу назвать имена тех, кому принадлежит заслуга ее издания. Она составлена Фридрихом Хитцером, неутомимым поборником укрепления культурных связей между ФРГ и СССР. Ему принадлежит и большая статья «Разговор не кончается», подробно рассказывающая об отношениях между К. Симоновым и А. Андершем, свидетелем которых он был. Оформитель книги и автор карандашных портретов — Сильва Хитцер.

Книга кончается двумя цитатами, приведенными без всяких комментариев. Я тоже закончу ими:

А. АНДЕРШ: «Таким образом, общественная миссия писателя ясна: ему надлежит помогать установлению мира. Само собой разумеется, он волен писать, что он хочет... но лучше было бы, если бы он с самого начала решился утверждать своими словами мир. Ибо новая война, это мы знаем, погасила бы воспоминание о всех книгах этого мира».

К. СИМОНОВ: «Тогда мы говорили о войне, о ее последствиях и о том, что должна сделать литература ради того, чтобы в словах «вторая мировая война» заменить прилагательное «вторая» на прилагательное «последняя», заставить человечество опомниться и остановиться на отсчете «два», ибо, начав считать до трех, считать до четырех, очевидно, будет уже некому».

Павел ТОПЕР